

Река Онолва

Нельзя торговать иконами. Нельзя беспокоить предков, например, разбазаривать какие-то вещицы, бывшие дорогими сердцу бабки с дедом. Предки могут рассердиться и наслать проклятие — мыжу. Это болезнь непонятной этиологии, лечится очень долго, а может и вообще не вылечиться. Если уж накликал мыжу, придётся пройти через обряд вешания топора — чер ошлан. Характерно, что подношения знахарке, узелки с шишечками хмеля, клалось на божницу, чтобы хмель вобрал в себя побольше святости. Потом шишечки бросались на печные угли, а над ними на шнурке подвешивался топор. Впрочем, иногда вместо топора подвешивали икону. Знахарка начинала перечислять имена умерших предков, и на каком имени топор (или икона) качнётся, тот, стало быть, и мыжу наслал. Далее предка следовало умилостивить, отслужить панихиду, устроить обеддз — поминки.

В Большой Коче не так давно возродился древний и довольно-таки кровавый общепермяцкий ритуал принесения быков в жертву Ену. В давние времена на этот языческий праздник животных пригоняли со всей округи, даже из-под Чердыни и Соликамска. На поляне у речки Онолва их резали, тут же в котлах варили мясо, съедали его, а остаток вялили про запас. А запас порой оставался немалый: в 1914 году сюда на закляние пригнали 80 быков — почти гекатомба. Сейчас остатков не бывает, на празднике только одного бычка и режут, а народ-то по-прежнему собирается со всей округи.

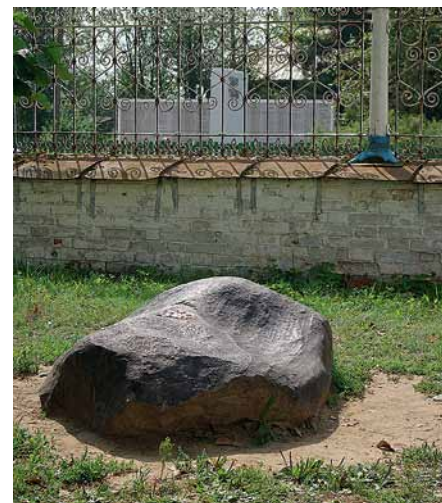
Седло Ильи Пророка

В прошлогоднем сентябрьском номере приходилось писать про «небесный камень» Ен Из, что лежит в лесу неподалёку от села Ошиб. Свой небесный камень имеется и в селе Архангельское. Но поменьше. Зато не в лесу прячется, а положен прямо в центре села, внутри церковной ограды. Относительно его происхождения у сельчан нет сомнений: это метеорит.

Вообще-то в начале своей истории Архангельское звалось Карповым Посадом. Но то ли в XVIII веке, то ли в XVII — сии сведения сельская история не сохранила — небо прочертил огненный хвост, а потом со стороны деревни Калинино, это от Карпова верстах в двадцати, ураганный порыв ветра принёс грохот и отсветы лесного пожара.

Богатый калининский крестьянин нанял мужиков с лошадьми, чтоб они отыскали небесный камень. Лес ещё догорал, небесный гость остывал в воронке, образовавшейся при его падении. находку привезли в Карпов Посад, где имелась часовня, возле неё и уложили, рассудив, что, раз камень с неба упал, значит, его бог послал. Называли его сперва, как и ошибский мегалит, — Ен Из, «камень доброго бога Ена». Но получалось как-то уж слишком по-язычески, и потому камень прозвали «Седло Ильи Пророка», поскольку на его поверхности имелось удобное углубление, прямо-таки приглашавшее присесть.

Похвальное христианское добронравие сельчан было поощрено тем, что в Карповом Посаде построили и в 1842

Седло Ильи Пророка

году освятили церковь по имя Архистратига Михаила. Село получило новое название: Архангельское. Старая часовенка к той поре обветшала, её снесли, а камень переместили к храму, найдя для него место возле крестообразно раскинувшегося ветви кедра в церковной ограде.

Камень оказался строгий, с норовом.

Парни как-то решили похулиганить, вывернули глыбу с его места и покатали к реке, а там спустили его с крутого обрыва. Но камень, пробороздив склон середины, вдруг остановился, будто чья-то невидимая рука его удержала. Тут уж и старухи прибежали, возмутились, начали молодёжь стыдить-стращать. Хулиганы усовестились, нашли лошадей, верёвки и затащили камень обратно.

В 50-е годы прошлого века небесному камню нашли ... применение. Зимой для расчистки дорог от снега обычно использовали что-то вроде деревянного грейдера, называемого «клин», и таскали его трактором... Естественно, клин надо было утяжелить — в качестве груза и использовали «Седло Ильи Пророка». Если сейчас внимательно рассмотреть камень, то можно увидеть: со стороны, обращённой к церкви, он слегка подтёсан, заострён — видимо, чтобы укладывался в рубленый короб «клина». Когда же на дорогах коми-пермяков появились тракторы с ножами и настоящие грейдеры, камень был брошен за ненужностью и пребывал в небрежении, постепенно врастая в землю возле центральных колхозных мастерских. «От обиды, — замечают сельчане. — Это он от нас уйти хотел».